

Слово об ученом: Анзор Хачирти

Человек не может не задумываться о цели и смысле своего земного существования. Но вопросы жизни и смерти приобретают особую остроту и становятся объектом философской рефлексии, когда от нас уходят личности масштаба Анзора Хачирти. С тех пор как человечество осознало самое себя, эти вопросы оно всегда ставило в центр своего интеллектуального пространства, и они становились предметом долгих и мучительных раздумий его блистательных сынов и дочерей. Еще на заре европейской античности Еврипид вопрошал: «Кто скажет нам, не смерть ли жизнь земная, а смерти час не жизни ли начало?». Омар Хайям, в до боли сжатой поэтической форме, на могиле своего молодого друга, в отчаянии воздев руки к Небу, буквально обвинил его в безысходности и трагизме человеческой жизни, в неразрешимой дихотомии его существования:

*Жизнь сотворивши, вслед ты создал смерть затем,
Назначил гибель ты своим созданьям всем.
Ты плохо их слепил, но кто ж тому виною?
А если хорошо, ломаешь их зачем?*

Позднее, когда я дал согласие на любезное предложение проф. В. Дзидзоева представить статью об Анзоре Хачирти для солидного академического издания, меня охватило чувство, близкое к отчаянию. И дело даже не в том, что на ее написание отводилось предельно сжатое время – два-три дня. Дело в другом, но об этом ниже.

Писать о людях общенационального масштаба, каковым являлся профессор А. Хачирти, задача чрезвычайно трудная. Здесь совершенно неуместны как набившую оскомину заезженные фразы, шаблоны, штампы, еще терпимые в некрологах, так и идеализация людей такого масштаба.

Анзор Хачирти являлся одним из самых колоритных и выдающихся представителей осетинской интеллектуальной элиты второй половины 20 века – начала 21 века. Круг его научных и гражданских интересов был чрезвычайно обширен. Кажется, не осталось ни одной сферы экономического, политического и духовного бытия нашего общества, которую бы он обошел. Причем вне его внимания не

остались не только проблемы экзистенциальной значимости, но и вопросы, кажущиеся, на первый взгляд, не столь существенными для нашей национальной онтологии. Его, как казалось, несокрушимое здоровье и могучий дух могли вынести все. Но это только казалось. На самом деле он был легко ранимым человеком. Особо реагировал он на любого рода несправедливость, где, откуда и от кого бы она не исходила. Далеко не случайно в одной из своих лучших книг, посвященной Коста Хетагурову, он написал: «Светлой памяти пламенного мыслителя и острого обличителя **несправедливости**» (выделено мной – Л.К.).

Убежденный интернационалист, профессор А. Хачирти занимал бескомпромиссную позицию против национального чванства, шовинизма, национализма в любых формах их проявления. Он был всеерьезно обеспокоен миграцией русского (и не только) населения из республики. В статье «Уедут ли русские из Осетии» профессор писал: «Мы должны не разбегаться, а выходить из положения сообща и вместе. Больше того, осетинский народ в решении своих вопросов как этноса рассчитывает на помощь прежде всего русских в Осетии, других народов, проживающих в РСО-А» (Анзор Хачирти. Публицистика. – Владикавказ, 1999, с. 26).

Одной из самых неприглядных черт как отдельных людей, так и национального характера некоторых народов, является неблагодарность. Некоторые народы, одурманенные шовинистической, а подчас и нацистской риторикой своих руководителей, слишком уж быстро подзабыли, что своим, даже чисто

физическим выживанием, не говоря уже о расцвете их культуры, науки, искусства и т.д., они обязаны прежде всего России, русскому народу, который зачастую помогал подняться на ноги национальным окраинам, формировал национальную интеллигенцию, строил промышленность. И навешивание на него ярлыка оккупанта и поработителя является с исторической точки зрения ложью, бредом, а с нравственной – элементарной подлостью.

Исповедуя и проповедуя интернационализм, проф. А. Хачирти в то же время оставался истинным сыном своей земли и ее великим патриотом.

Анзор тяжело переживал распад СССР, повлекший за собой чудовищные последствия для его народов. «Россия в целом и отдельные ее регионы, – писал он в 1999 году, – каждый по-своему, сегодня переживают катастрофические перемены, когда созидательное начало потеряно и даже в основных сферах жизни оно явно не прослеживается. То, что переживаем мы, это не «перестройка», а бездумное разрушение самих основ жизни целых народов, когда громадная масса людей очередной раз стала объектом глобальных экспериментов, а на деле – жертвой политического разбоя и открытой безнравственности» (там же, с. 6).

Перечитывая его работы того периода или посвященные тому периоду, когда в угаре национализма и шовинизма буквально задохнулись национальные элиты и одурманенные ими народы, невольно испытываешь гордость за Анзора, призывавшего к благоразумию, к национальному и конфессиональному согласию. Здесь следует особо отметить – многое из того, что он декларировал, требовало от него незаурядного личного мужества.

Анзор восторженно относился к тому историческому и культурному наследию, которое оставили нам наши предки, призывал хранить и бережно относиться к нему, бороться против его искажения и опошления. В десятках его публикаций и, практически, во всех его книгах набатом звучит тревога о судьбе бесценного наследия предков, и в первую очередь языка.

– Забыть родной язык – это прямая дорога к разрушению всех национальных ценностей, и это надо осознать в общенациональном масштабе (там же, с. 55).

– Дело осетин – сохранить свой язык, который имеет не только осетинское значение, убить его – это убить величайшую ценность мирового значения. Этого допустить нельзя (там же, с. 113).

– Не может быть народа, нации без материнского языка, без духа народа, закрепленного в языке, не может быть и действующих лиц в данной нации сколько-нибудь значительного объема, безразличных к сво-

ему языку, родной культуре. Если мы это осознаем, но не только осознаем, но каждый из нас сделает родной язык предметом и собственной, и национальной гордости и повседневной заботы, если мы поставим его знание и звучание на уровень высокого совершенства – это будет лучшим памятником Коста Левановичу Хетагурову, славный юбилей которого мы сегодня отмечаем, а мы с вами, его потомки, сумеем завоевать право называться продолжателями его могучей традиции (там же, Слово о Коста, с. 35).

Все более возрастающую тревогу у проф. А. Хачирти вызывало состояние нравственного здоровья нашего народа. Рост наркомании, пьянства, половая распущенность – далеко не полный перечень пороков, которыми больно наше общество и которые часто ввергали его в состояние глубокого уныния и пессимизма. «Разве подобное к лицу нам, – часто слышал я от него, – нам, потомкам некогда державного народа, который стоял у истоков общечеловеческой духовности».

– Мы не должны ползти по дорогам истории, а должны творить собственную историю, высоко нести в высоких и добрых делах свое имя и достоинство по законам высшей **нравственности** (выделено мной. – **Л.К.**) творить свою славу, не ущемляя ничье достоинство (Слово о Коста, с. 35).

Особая роль в нравственном оздоровлении должна принадлежать национальной школе, создать которую безуспешно пытался Анзор Хачирти и ныне пытаются его соратники и единомышленники.

– Осетиноведение в школе должно включать изучение философии народа, нравственных устоев его жизни, психологии, традиций, обычаев, обрядов, праздников, религиозных воззрений. Здесь школа найдет необъятное поле конкретной и интереснейшей работы через изучение пословицы и поговорки, притчи и народного юмора, мифа и сказания, сказки и народной песни, торжественного тоста и причитания, и т.д.

Национальная школа должна учить учащихся народному (национальному) мелосу, прежде всего народной песне, и не только исполнению, но школа должна объяснять богатейший музыкальный фольклор осетин. Учащиеся в осетинской школе, все до единого, должны уметь исполнять осетинские танцы. Школа должна наладить обучение игры на гармонике. Ребята должны разбираться в истории осетинской кухни и знать технологию приготовления ее основных блюд. . .

– Особое место должно занять изучение осетинского этикета – нравственной школы воспитания, надо учить детей манерам, уважению старших, ми-

лосердию, культуре общения в семье и в обществе, одним словом, замечательным традициям нашего народа в сферах нравственного бытия.

– Надо преодолеть сложившуюся психологическую установку о незыблемости наших традиций, о том, что нам ничего не угрожает, что мы вечные исполины и нашей культуре богом данной, когда-то великой, ничего не угрожает... История показывает, что мы катастрофически катимся в никуда и на наших глазах происходит полный развал наших культурных ценностей.

Надо отказаться от другой, не менее вредной традиционной установки: осетинское не имеет исторической перспективы, осетинский язык дальше наших границ не нужен, так что нечего им заниматься... Это постыдная традиция, которая разрушает все и вся...

Надо решительно воспротивиться нашим «мудрым», сверхосторожным политическим аксакалам, которые не раз внушали, что разговор, действия о национальной культуре – это «выпячивание» себя, это может не понравиться кому-то, это пахнет национализмом и т.д. и т.п. Давайте больше не слушать этих краснобаев с дурно пахнущей идеологией (О национальной школе, с. 94–95).

Я понимаю всю нежелательность столь длинных цитат, но не смог удержаться. Уж больно они хороши...

Анзор органически не переносил даже шуток в адрес тех или иных осетинских этнографических групп. Они приводили его в ярость. Широко известна его непримиримая позиция по так называемой дигорской автономии. Для него не подлежало никакому сомнению, что мы «две ветви единой этнической общности, исторически сложившейся на одной территории, с единой этнопсихологией, общим языком, единым, могучим традиционным фондом. Это один народ с общей судьбой, с общими радостями и горестями... Сила любого народа в его единстве. Модные сегодня идеи автономизации докатились и до нас. Осетию можно на одной ладони разместить, а ее пытаются разделить некоторые горячие головы.

Нет, не этим путем надо идти. Дигорская автономия – плод больной фантазии, она дорога в никуда!» (Кто мы, с. 60–62).

Анзор любил и уважал людей, и те платили ему взаимностью. Не все, конечно, но не о них речь. Он умел замечать в людях их изюминку, старался видеть в них только положительное и когда ошибался, искренне переживал. Он любил сидеть в кругу простых тружеников города и села, любил слушать живую, народную речь. Общение с ними доставля-

ло ему огромную радость. Он часто сокрушался по поводу отчуждения власти от народа и наоборот.

«Когда же, вместо болтовни высоким слогом, мы увидим человека с его нуждами, добрым именем, которое он создал своим порядочным отношением к жизни и долгу своему и начнем воздавать ему по гражданским заслугам.

Придет ли когда-нибудь такое время?» (Ниже подполковника, с. 198).

С большой теплотой вспоминал Анзор выдающихся деятелей отечественной науки, культуры, искусства, литературы... Рассказчик он был превосходный. Я часто просил его написать о них.

Незадолго до смерти он поделился со мной творческими задумками на будущее и показал мне развернутый план работы по одной философской проблеме. Я ахнул. Труднейшая гносеологическая проблема! Но план был действительно хорош! Сразу было видно, что он основательно подбирался к теме.

– Ну как? – спросил он.

– Сам факт покушения на эту проблему, – ответил я, – делает честь любому исследователю. Но ее как успех, так и неудача отнимут у вас слишком много времени и сил. Это во-первых. Во-вторых, эту проблему, надо полагать, человечество когда-либо решит и без вас. Но нашему народу, особенно молодежи, и я абсолютно убежден в этом, крайне необходимы ваши (и не только ваши) воспоминания о тех современниках, которые являлись знаковыми фигурами осетинской, российской и мировой науки, искусства и т.д. Редко кто в Осетии больше вас общался с Васо Абаевым. Напишите о нем, о других. Это лихолетье пройдет, и общество вновь потянется к истокам нравственности и к людям, которые являлись ее носителями. Согласитесь, что это важнее. – Анзор согласился, но к великому сожалению, не успел...

Анзор был требовательным, но внимательным и заботливым другом. Вот лишь один пример. В 1994 году я с обширным инфарктом попал в больницу. Буквально на следующий день меня навестил мой коллега и друг Таймураз Алборов. Прощаясь со мной, он спросил: «Что передать Анзору?». Мы все знаем, что в таких случаях передают близким больные – что-нибудь дежурно-успокаивающее, но это вовсе не означает, что беспокоиться не о чем. К тому же мне нужно было сказать такое, чтобы он пришел в больницу и мы это отметили...

– Передай ему, чтобы должность старшего преподавателя он мне дал посмертно, – пошутил я. Дня через два-три заявился Анзор, сунул мне в руки приказ ректора о назначении старшим преподавателем

лем, но мы отметили вовсе не это – «только не умирай, я тебе и свою должность уступлю, мне дороже всего наши отношения», сказал он. Позднее мне рассказывали, какой хохот стоял в зале заседаний ученого совета, когда Анзор попросил удовлетворить мою «предсмертную» просьбу.

Анзор Хачирти любил людей и по-доброму относился к ним. Но к женщине-матери у него было особое отношение. Ни по какому поводу я не замечал слез в его глазах, кроме тех, когда он вспоминал свою мать. Анзор благоговел перед матерью, для него она была святой. Он – двухметровый гигант, приближающийся к своему 80-летию, как ребенок тосковал по матери, горько сожалея, как мало для нее он успел сделать при ее жизни...

Надо было видеть, как зал, затаив дыхание, слушал речь Анзора на его 70-летнем юбилее, широко отмеченном нашей общественностью. Вопреки всяким установившимся канонам по таким случаям, Анзор произнес вдохновенную оду Женщине-Матери.

– Восславим мать... Она вскормила человечество, великой и безотчетной любовью сберегла нас, и больных, и безумно капризных, всегда согревала, делая наши сердца человеческими...

– Восславим мать на земле. Всегда прощающую нам все наши прегрешения и желающую видеть в нас людей, исполненных долга и благородства...

– Восславим мать в каждой семье и воздадим должное памяти умерших матерей, и тогда за нами пойдут новые поколения творить и утверждать добро на земле.

– Славим тебя, мать. Помоги нам обрести себя, осознать раз и навсегда, что мы твои дети, едины во всех своих помыслах и действиях, объедини под любящим своим сердцем и ласковыми руками, объедини на добрые дела.

Безграничная сыновья любовь к Женщине-Матери и подвигла Анзора на восстановление святилища Задалески Нана, и этим поистине великим гражданским деянием он воздал должное своей и всем матерям Осетии.

Анзор мечтал в святилище Задалески Нана устроить фотогалерею женщин, родивших десять и более детей. Смерть не позволила осуществить ее. Но мы, его благодарные друзья и ученики, просто обя-

заны довершить его работу. Каждый раз, когда он заводил разговор о фотогалерее, я убеждал его, что там должны быть не только женщины, родившие десять и более детей. Матери Коста, Гайто, Васо, Исса, Хаджи-Умара, Алихана и многие другие не родили десять детей, но они подарили Осетии, России, миру гигантов.

Вначале он был категорически против, и я не знаю почему. Позднее он был не столь категоричен, но по-прежнему стоял на своем. И все-таки я считаю, а после его смерти просто убежден: среди многих славных женских имен должны фигурировать и те женщины, которые хоть и родили меньше или значительно меньше, но зато каких! И среди них по достоинству должна занять место и мать самого Анзора.

Мне представляется в высшей степени целесообразным создание республиканского фонда им. Хачирова по реставрации наиболее значимых святилищ в Осетии. Это было бы нашей скромной признательностью перед его светлой памятью.

А сейчас об обещании, данном мной выше. На том памятном юбилее, о котором уже шла речь, довелось выступить и мне. Совершенно неожиданно слово было от имени кафедры предоставлено мне. И вот в самом конце моего импровизированного выступления я, обращаясь к юбиляру, заявил буквально следующее: «Дорогой мэтр! Я не знаю сколько мне отпущено судьбой, но если волею Провидения мне будет суждено пережить Вас, я напишу о Вас и даю Вам слово, что это будет не самое худшее, что когда-либо выходило из-под моего в общем-то не очень плодovitого пера». Вот почему, дав согласие солидному академическому изданию написать о Анзоре Хачирти, я испытал отчаяние. Ибо из-под моего пера о нем должно выйти нечто, достойное его незабвенной памяти. Но «как бедна у мира слова мастерская, подходящее – откуда взять»...

На одной из своих книг, рецензировать которую он доверил мне, Анзор написал: «Леониду, чтобы ты еще долго смотрел на мир своими большими и ясными глазами». Не знаю, как глаза, но мир, который раньше казался мне огромным, с его уходом стал для меня неизмеримо меньше.

*Но мы еще пойдем, расставшись с ним,
Как без него пустынно в мире божьем!*

(Мирза Шафи Вазех)

Л.Н. Кочиев,

советник Главы АМС г. Владикавказа.

